

МЕРА ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТИ

ПЕРЕД открытием в Киеве гастролей Ленинградского драматического театра имени В. Комиссаржевской главный режиссер его заслуженный деятель искусств РСФСР и Грузинской ССР Р. Агамирзян выступал по телевидению. Он высказал тогда верную мысль о том, что успех театра в начале гастролей — это только аванс. Об истинном же успехе можно судить не по тому, как встречают, а по тому, как провожают творческой коллектив.

Ну что ж, гастролы наших гостей в столице республики закончились. Теперь комиссаржевщев ветратили зрители Одессы. И, вероятно, уже можно разобратся во впечатлении от спектаклей ленинградцев, от их гастрольной афиши.

Когда подходят к оценке театра, обычно прежде всего говорят об идейно-тематической направленности его творчества, о его содержательности. Это безусловно справедливо. Но сценическое искусство должно отвечать еще одному обязательному требованию — быть интересным, зрелищным. Театральным. Думается, ленинградцы отчетливо понимают, как важно соблюдение этого условия. Можно по-разному оценивать их спектакли, отмечая разную меру взыскательности в том или ином случае. Но нельзя не почувствовать умение постоянно поддерживать живой интерес зрительного зала к происходящему на сцене. И если, обращаясь к проблематике театра, следует отметить стремление к морально-этической теме, то с не меньшей определенностью можно говорить о его тяготении к драматургии с неожиданными, порой парадоксальными сюжетными поворотами, к острой сценической форме.

Характерна в этом смысле трагикомедия Г. Горина «...Забить Герострата!», поставленная Р. Агамирзяном.

...На темной, растворяющейся во мраке фоне внезапно выхватывается светом прямоугольник. Отчетливо видимый в нем человек возмущенно размахивает факелом, повторяя с упорством маньяка, что он Герострат. Что это он, именно он — злоумышлитель это навеки — только что дерзнул поджечь храм Артемиды, прекрасное творение человеческого гения.

Напряженное, резкое, как диссонанс, начало спектакля сразу подчиняет себе зрителя. Оно несет в себе заряд публицистичности. И эта публицистичность, обнаруженная в первый же момент сценического действия, живет во всех композициях постановки. Зритель оказывается втянутым в спор, в поединок двух противостоящих сил — Герострата и главного судьи города Эфеса Клеона. Безумного честолюбца, попиравшего нравственные законы людей и сурового непоколебимого слуги своего народа. Преступника, одержимого идеей увеко-

вечить себя, и жреца правосудия, жаждущего не только вынести справедливый приговор, но и стереть из памяти современников и потомков само имя преступника.

Но чьим привлекательней неулыбчивый Клеон у И. Краев, тем драматичней кажется его борьба. Это мужество одиночки... Те, кто вчера еще предавал Герострата анафеме, один за другим попадают в плен его демагогии. Неудачно гибнут и лукавый, как змий, Герострат С. Ландграф, бесконечно меняющийся облик, но неизменный в своей сути, ловко играет на человеческих слабостях.

Некаказанное зло, — утверждает этот острый по мысли и по сценической форме спектакль, — таит в себе великую опасность. Она разрабатывает людей. Театр призывает к гражданской активности, к личной ответственности каждого за судьбу всех. И хотя рядом с остроумно, иронично рещанными образами (Писсаферн — М. Храбров, Климента — И. Орлова, рестоляк Криенн — А. Янковский и др.) есть и менее выразительные, и хотя рисунок роли Герострата, интересный в замысле, хотелось бы видеть более строгим, спектакль все-таки воспринимается как произведение цельное и художественно последовательное.

Театр еще раз обращается к событиям прошлого в трагедии А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». И снова для того, чтобы на материале истории, но с позиций сегодняшнего дня рассмотреть важные моральные проблемы. Может ли быть нравственным деспотизм, даже если в нем ищут опору во имя благородных целей? Что вообще есть добро и благо не в обиходно-житейском, а философском смысле, в масштабах государства?

Публицистическую интонацию, — в ее со всей очевидностью и в этом случае пытаются внести режиссер (постановка Р. Агамирзян), — прежде всего должны сообщать спектаклю скоморохи. Интермедии со скоморохами, которые вводит в действие постановщик (в тексте трагедии их нет) призваны служить своеобразным прощальным, граничащим порой с издевкой комментарием событий, происходящих на сцене.

Но, поставив задачей рассмотреть конфликт трагедии в его широком философском аспекте, режиссер называет ее недостаточной последовательной,

сценическое решение главного героя царя Федора воспринимается независимо, верно даже в противоречии с общим замыслом спектакля. Хочется подчеркнуть, что речь идет именно о трактовке, а не об уровне исполнения. В. Особик — актер необычайно тонкой нервной организации, искренность которого граничит с самозабвением.

Трагедия абстрактной доброты актер сужает до трагедии маленького, слабого, психически неуравновешенного человека, в силу своей болезни нежизнеспособного. И В. Особик подробно, с полной достоверностью, в какие-то мгновения переступая даже грань эстетического, прослеживает душевный мир этого Федора.

К рассмотрению моральных проблем приглашает зрителя и спектакль «Продавец дождя», поставленный Р. Агамирзяном и В. Ланцевичусом по интересной пьесе Р. Неша, исполненной веры в духовную красоту человека, в его способность преодолеть то, что мешает ему быть самим собой.

В репертуаре наших гостей привлекают внимание постановки по произведениям драматургов братских республик — трагикомедия белорусского писателя А. Макаенка «Аминетия», грузинские пьесы «Не беспокойся, мама!», «Если бы небо было зеркалом».

Спектакли, о которых шла речь, наиболее полно выражают стремление ленинградцев говорить в острой, необычной, увлекающей зрителя форме о важных и волнующих проблемах. Желание завоевать зал, показывая спектакли зрелищные, яркие — естественно и понятно для театра. Но стремление к популярности приводит порой к снижению требований. Потрафляя вкусам незычного зрительского театра, случается, допускает творческий компромисс. Наряду с интересными пьесами он обращается, например, к комедии В. Константинова и Б. Рацера «Прокладной балл», чрезвычайно неглубокой по своей проблематике, характеристике персонажей, наконец, по сюжетным ходам. Естественно, что спектакль, возникший на основе такой драматургии, не отвечает серьезным художественным требованиям.

Отдавая должное творческим возможностям театра, которые нашли воплощение в лучших спектаклях, хочется пожелать нашим гостям, чтобы они всегда оставались достойными самих себя.

А. МИЛОВАЦКАЯ

РАССКАЗЫ
Г. МЕР

14 АВГ 1973